

А.Б. Шамшин, Я.В. Дуда, С.Л. Изоткин, С.М. Ситников,
О.А. Цивцина, О.А. Ченских

ПОСЕЛЕНИЕ РУБЛЕВО VI – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ КУЛУНДЫ

Поселение Рублево VI находится практически на границе Михайловского и Угловского районов Алтайского края, в 30 км от пос. Малиновое Озеро, в бору. Памятник расположен на песчаных гривах, находившихся некогда на берегу озера Рублево, ныне сильно заболоченного и значительно уменьшившегося в размерах. Поселения в этой местности, в том числе и Рублево VI, локализируются на остепненных участках – еланиях, находящихся среди бора. Рублево VI – аварийный памятник, разрушающийся проходящей через него грунтовой дорогой и многочисленными раздувами. Кроме того, в недавнем прошлом здесь располагались бахчи лесничества и поверхность поселения хорошо перепахана, а местами раздута ветрами (Шамшин А.Б., 1999, с. 45) (Рис. 1-1).

Поселение Рублево VI открыто А.Б. Шамшиным в 1989 г. (Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., 1990, с. 49, 51) и исследовалось им же в 1989, 1990, 1993 и 1998 гг.

Раскоп захватил часть зольника. Кроме того, начата расчистка большого пятна, возможно, жилищного, однако на поверхности это сооружение, в отличие от расположенных рядом крупных западин, не читалось. Общая вскрытая на памятнике площадь составляет в настоящее время 240 кв.м. Средняя мощность культурного слоя достигает 60-70 см. При этом некоторые находки залегали глубже (80 и даже 100 см), но наибольшее их количество приурочено все же к третьему горизонту (40-60 см) и связано с характерной золистой прослойкой. Зольник буквально насыщен находками, основу которых составляют нередко обожженные, плохой сохранности кости животных. Много встречено и керамики, в том числе развалы сосудов. Обнаружен также ряд вещей (Рис. 1-2).

Наиболее интересными вещевыми находками являются два бронзовых ножа, обнаруженные на памятнике в 1998 году (рис. 2). Оба изделия имеют плохую сохранность. Особенно это касается крупного и широкого ножа, который собирали буквально по фрагментам (рис. 2-2). Аналогии подобным ножам мы находим прежде всего в памятниках Восточного Казахстана (Черников С.С., 1960, с. 260, табл. LXVII-2,3). Известны близкие по форме ножи и в степном Алтае, в частности, в случайных находках (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1997), а также в могильнике Нижняя Суетка (Уманский А.П., 1995). Ножи казахстанского типа маркируют пути продвижения населения степных культур эпохи поздней бронзы из

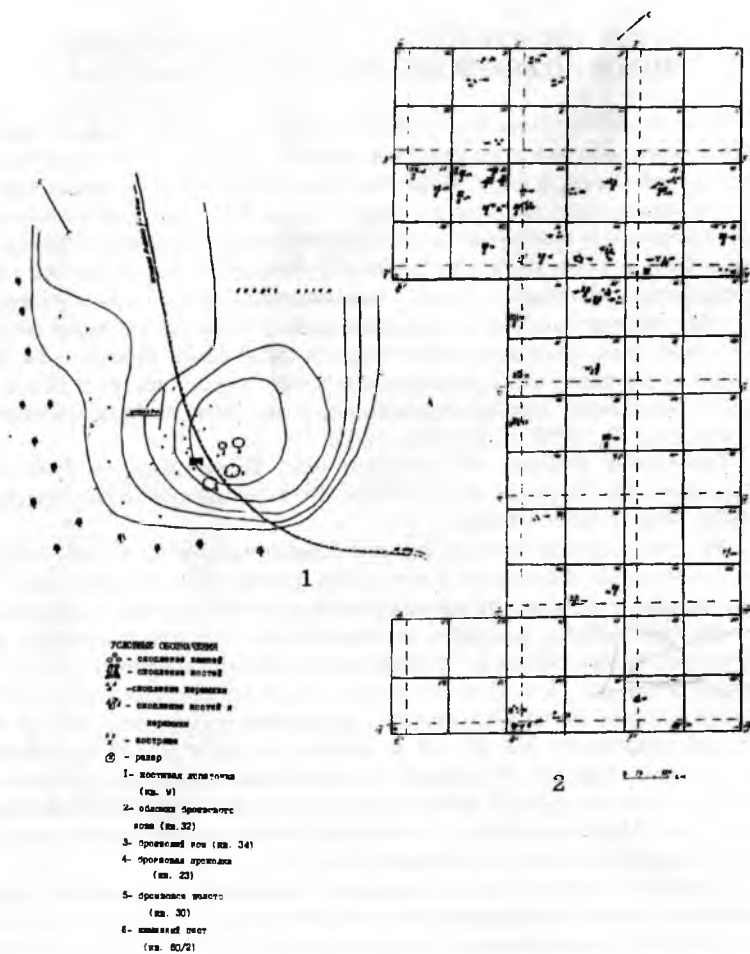

Рис. 1. Поселение Рублево VI.
План (1) и план раскопок (2).

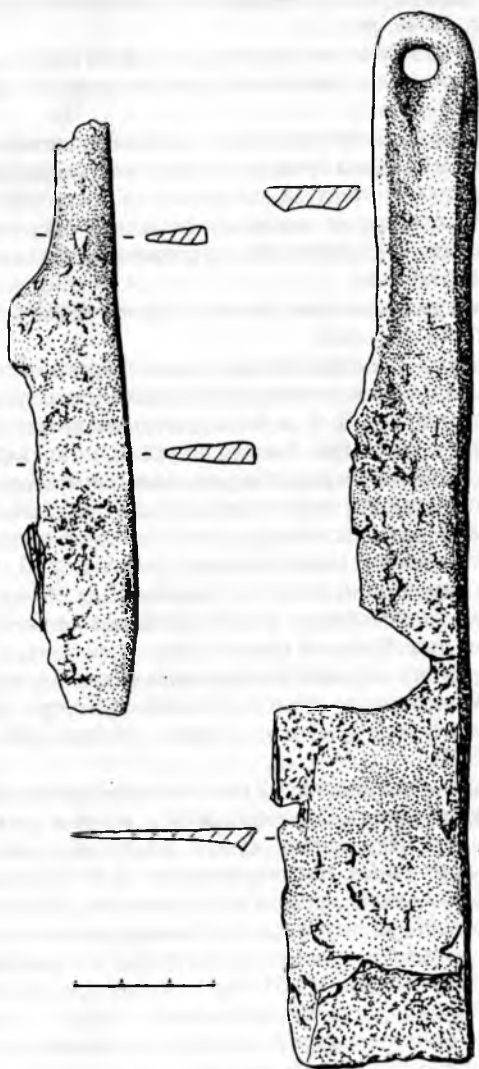

Рис. 2. Бронзовые ножи с поселения Рублево VI.

Восточного Казахстана в степной и лесостепной Алтай (Шамшин А.Б., 1999, с. 48-49, рис. 2).

Одной из наиболее интересных категорий инвентаря, к тому же массовой и хорошо сохранившейся, является керамика. Остановимся на ней поподробнее.

В культурно-хронологическом плане она делится на две группы – посуду эпохи средней бронзы (андроновской-федоровской культуры) и керамику эпохи поздней бронзы. К андроновской культуре относятся фрагменты не менее чем от десяти сосудов, орнаментированных геометрическими узорами, выполненными гребенчатым или гладким штампом.

Керамический комплекс эпохи поздней бронзы в культурном плане также неоднороден.

К ирменской культуре относится один фрагмент верхней части тонкостенного сосуда с залощенной поверхностью, украшенного по венчику заштрихованными равнобедренными треугольниками вершинами вверх, с круглыми ямками по углам, по шейке – пятью желобками, по плечикам – равнобедренными заштрихованными треугольниками вершинами вниз с ямками по углам (рис. 4-1).

К бегазы-дандыбаевской культуре относятся обломки не менее чем от десяти сосудов горшковидной (рис.5-1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10; рис.6-1) или баночной (рис.5-5, 8) формы. Для обоих типов характерно широкое применение в орнаментации мелкозубчатого гребенчатого штампа. В одном случае придонная часть украшена при помощи фигурного штампа полукруглой формы (рис.5-10). Узоры имеют преимущественно геометрический характер – пояски из косых крестиков (рис.5-2, 4) и наклонных линий (рис.5-1, 3, 5, 8), елочка (рис.5-8).

В небольшом количестве на поселении встречена станковая керамика (14 фрагментов). О форме сосудов, в связи с их малочисленностью и фрагментарностью, судить довольно сложно. Черепки желтого или кирпичного цвета толщиной 1,0 – 2,0 см. Тесто плотное, без примеси песка, шамота или органики. Иногда встречается ангоб красноватого цвета на внешней поверхности сосудов.

Основу позднебронзового комплекса составляет саргаринско-алексеевская посуда. Из 516 фрагментов орнаментировано 146 (28,3 % от общего количества керамики).

В технике орнаментации господствуют гладкий штамп – 28,6% от общего количества орнаментированной керамики, ногтевые защипы – 17,3%, ногтевые оттиски и мелкозубчатый гребенчатый штамп – по 8,8%, наколы семечковидной или подтреугольной формы – по 6,9%. Реже применялся жемчужник и среднезубчатый гребенчатый штамп – по 6%, крупнозубчатый гребенчатый штамп и наlepные валики – по 3,5%, воротнички – 3,1 %, ямки округлой формы – 0,6%.

Форма и орнаментация сосудов позволяет разделить их на несколько групп.

Баночные сосуды по форме венчика и верхней части делятся на две подгруппы. Банки открытого (рис.4-3,11,13; рис.5-14,17,21; рис.6-4, 5, 11, 18, 21) и закрытого типа (рис.3-16; рис.4-2, 6, 7; рис.5-16). Орнамент либо отсутствует вовсе (рис. 2-2,6,7), либо беден. Это валики в верхней части сосуда с нанесенными оттисками ногтя (рис. 4-13) или елочкой (рис. 6-21); оттиски гладкого штампа (рис. 4-11; рис. 6-11); семечковидные вдавления (рис.4-3, 10; рис.5-17); ряды оттисков ногтя (рис.6-4, 18); жемчужник (рис.4-3, 11); воротнички (рис.3-16; рис.5-21); ямки (рис.3-16). Интересно, что банки закрытого типа в большинстве случаев не орнаментированы.

Самую многочисленную группу составляют горшковидные сосуды плавной профилировки с округлым прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (рис.3-1, 2, 4, 5, 7-10, 12-15; рис.4-9, 12, 14-16; рис.5-12, 13, 15, 18, 20, 22; рис.6-2, 8, 12-15; рис.6-22). Встречены сосуды как с очень большим диаметром венчика, так и с маленьким. Верхняя часть горшков украшалась рядами оттисков ногтя (рис.3-10, 15; рис.4-9; рис.5-22), воротничками (рис.3-13; рис.4-15, 16; рис.6-22,5-13), валиками (рис.4-14), поясками из гладких косых крестиков (рис.5-15; рис.6-10, 13), рядами семечковидных вдавлений (рис.6-8), жемчужником (рис.4-15, 16; рис.5-15, 20), вертикальной гладкой елочкой (рис.6-2). Тулово покрывалось горизонтальными поясками из оттисков ногтя, поясками косых гладких крестиков (рис.6-13), треугольниками (рис.3-7; рис.6-19), вертикальной гладкой елочкой (рис.3-13), свисающими вниз рядами из ногтевых зашипов и оттисков ногтя (рис.3-10; рис.4-9).

Третью группу составляют сосуды с небольшим прямым или отогнутым наружу венчиком и среднераздутым туловом (рис.4-4, 12; рис.5-11, 19; рис.6-3, 9, 16, 20). Орнамент беден. Это валики с ногтевыми зашипами (рис.4-4) или косыми крестиками (рис.6-20), жемчужник (рис.6-9), воротнички (рис.6-9). Группа немногочисленна.

Четвертая группа, самая малочисленная, представлена сосудами с отогнутым наружу венчиком и сильно раздутым туловом (рис.3-3, 11).

Сопоставляя саргаринско-алексеевскую керамику поселения Рублево VI с керамикой памятников сопредельных территорий, отметим следующее:

Во-первых — форма и орнаментация сосудов в общем типична для памятников этого времени.

Во-вторых — обращает на себя внимание сравнительно частое применение в орнаментации узоров, выполненных при помощи ногтя — 26,1%. На саргаринско-алексеевских поселениях Казахстана ногтевые узоры встречаются эпизодически и лишь на поселении

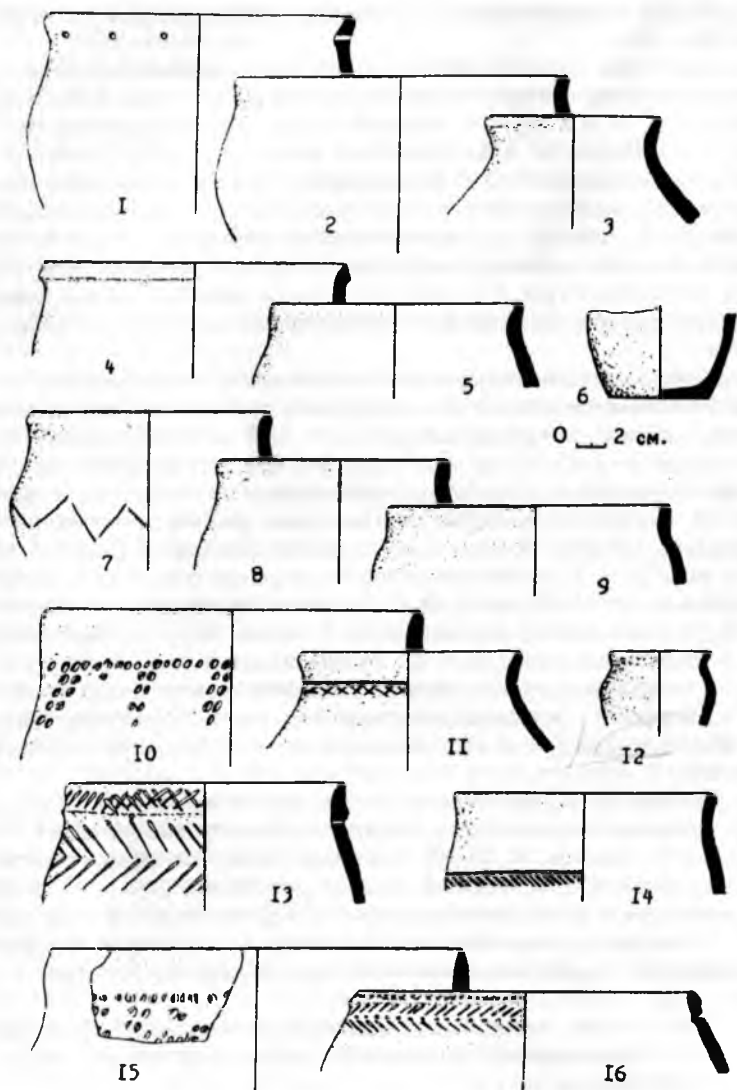

Рис. 3. Керамика поселения Рублево VI.

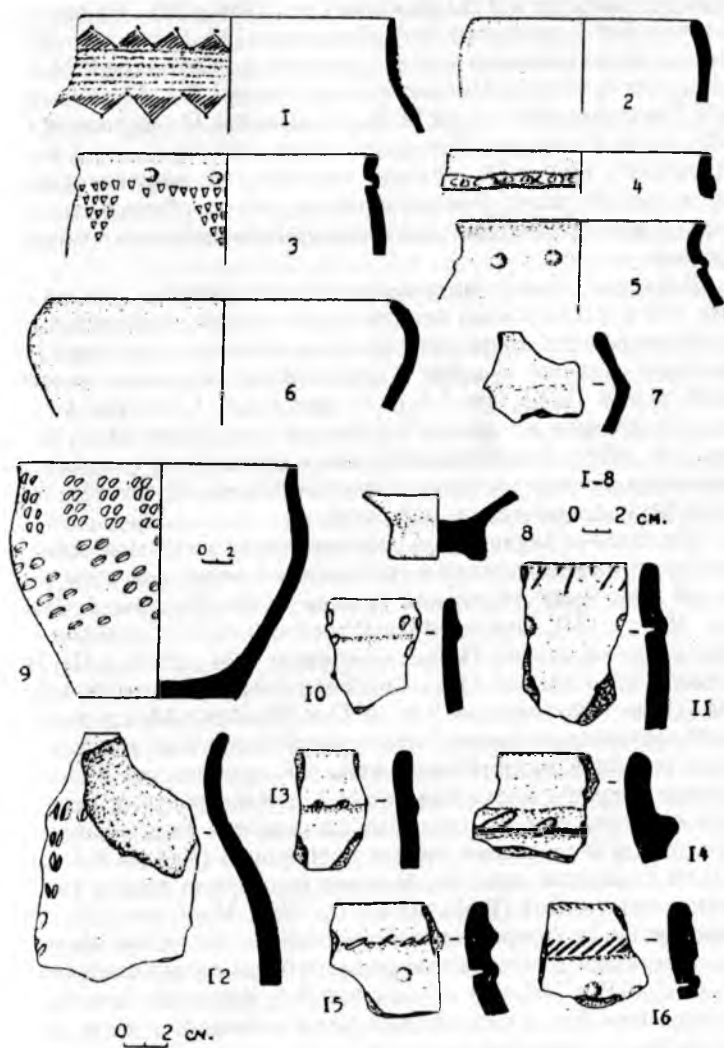

Рис. 4. Керамика поселения Рублево VI.

Саргары занимают 4,9 % (Зданович С.Я., 1984, с.88) . На пос. Чекановский Лог-1 (раскопки М.А. Демина и С.М. Ситникова 1997 г.) оттиски ногтя занимают 11,0 % (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с.45), а на поселении Новоильинка (раскопки В.А. Могильникова, А.П. Уманского 1976 г.) 54,58 % (Уманский А.П., Ситников С.М., 1995, с. 46), Советский Путь-1 (раскопки 1994-96 г.) – 3,9 % (Ситников С.М., 1998, с.73). Вполне вероятно, что широкое применение в орнаментации сосудов ногтевых узоров обусловлено какими-то локальными отличиями саргаринце-алексеевцев Алтая и Казахстана.

В-третьих – анализируя керамический комплекс, можно заметить, что в орнаментации присутствуют мотивы, свойственные как для более раннего этапа саргаринско-алексеевской культуры, так и для более позднего, близкие к орнаментации керамики поселения Чекановский Лог-1 (рис.3-3,11,16; рис.4-3,5,11, 16; рис.5-15, 20; рис.6-5), которое датируется X-IX вв. до н.э. (Демин М.А., Ситников С.М., 1988). Это объясняется очень длительным временем формирования культурного слоя поселения Рублево VI, что обусловило специфику керамического материала.

Нахождение в культурном слое памятника в небольшом количестве бегазы-дандыбаевской и станковой керамики довольно типично для поселений финальной бронзы Алтая (Курейка-3 (Иванов Г.Е., 1993, с.134), Новоильинка (Уманский А.П., Ситников С.М., 1995, с.46), Советский Путь-1 (Ситников С.М., 1998, с.73), Чекановский Лог-1 (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с.45)) и Казахстана (Кент (Варфоломеев В.В., 1987, с.59) и др.). Между тем поселений, содержащих только бегазы-дандыбаевскую или только станковую керамику, на территории Алтая и Казахстана нет. В Северной Кулунде открыты поселения Бурла-3 и Кайгородка-3, керамический комплекс которых содержит станковую и бегазы-дандыбаевскую посуду в примерно равных пропорциях (Удодов В.С., 1994, с.11). В Казахстане известно большое количество бегазы-дандыбаевских могильников (Ермолаева А.С., 1987; Маргулан А.Х., 1979), большинство из которых отличается особым богатством погребального инвентаря и сложностью надмогильных сооружений (Маргулан А.Х., 1979. С. 69-101). По мнению В.А. Кореняко, «появление в Центральном Казахстане погребальных комплексов типа Дандыбай-Бегазы – следствие социально-экономической дифференциации первобытного общества» (Кореняко В.А., 1990, с.33). Вполне вероятно, что носители бегазы-дандыбаевской культуры занимали какое-то главенствующее, господствующее положение в саргаринско-алексеевской среде (Кузьмина Е.Е., 1994, с.131). Этим объясняется богатство погребальных склепов Центрального Казахстана, наличие бегазы-дандыбаевской керамики на саргаринско-алексеевских поселениях, и отсутствие чистых бегазинских поселений.

Довольно интересным, на наш взгляд, является нахождение в культурном слое памятника верхней части ирменского сосуда. Отдельные фрагменты ирменской керамики встречены на поселениях Чекановский Лог-1 (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, рис.4 – 1-4), Мало-Красноярка (Черников С.С., 1960, табл.41 – 17, 22, 23). Керамика, близкая к раннеирменской, происходит с поселения Новоильинка (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.115) и рассматривается авторами как результат «контакта с носителями ирменских традиций» (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.123). Керамический комплекс поселения Донгал содержит ряд сосудов, орнаментальная композиция которых сопоставима с ирменской (Ломан В.Г., 1987, с.125).

В свою очередь, на поселениях ирменской культуры встречена керамика, которую, по-видимому, следует считать саргаринско-алексеевской: Большой Лог (Членова Н.Л., 1994, рис.23-1,2,5,6), Мереть 2 (Членова Н.Л., 1994, рис.43-4), Заковряшино I, Быково III, Казенная Заимка и др. (Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 1999). Рассматривая материалы поселения Милованово-3, О.И. Новикова выделяет группу посуды, орнаментированную валиками, которая, по мнению автора (Новикова О.И., 1998, с.470), появляется в результате контактов с культурами валиковой керамики (т. е. саргаринско-алексеевской). Между тем представленные на рисунках сосуды (Новикова О.И., 1998, рис.1; рис.2; рис.3-2,3) орнаментированы, вероятнее всего, в позднефедоровском стиле. Эта керамика аналогична материалам первого этапа развития валиковых традиций на Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.109) и появляется в результате внутренней динамики развития андроновских орнаментальных схем (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.121). Хотя необходимо отметить, что посуда, сопоставимая с саргаринско-алексеевской, на поселении Милованово-3 все же имеется (Сидоров Е.А., 1985, рис.2-8,10,11,14).

По-видимому, определенную роль в сложении ирменской культуры сыграли не только безазы-дандыбаевские (Удодов В.С., 1991; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 212), но и саргаринско-алексеевские племена (Кирюшин Ю.Ф., 1985; Шамшин А.Б., 1988, с. 112-113). В пользу этого свидетельствуют близкий тип хозяйства, профилировка некоторых ирменских сосудов и схожий набор инвентаря. В частности, ирменские бронзовые пуговицы и пуговковидные бляхи довольно сильно напоминают костяные саргаринско-алексеевские (Ситников С.М., 1998, рис.8-4,7,9).

В дальнейшем между племенами ирменской культуры и саргаринско-алексеевцами, видимо, продолжают поддерживаться мирные контакты, которые во многом были обусловлены потребностью ирменского общества в металле, т.к. своих рудных баз у ирменцев Верхнего Приобья не было. На территории юго-западного Алтая и

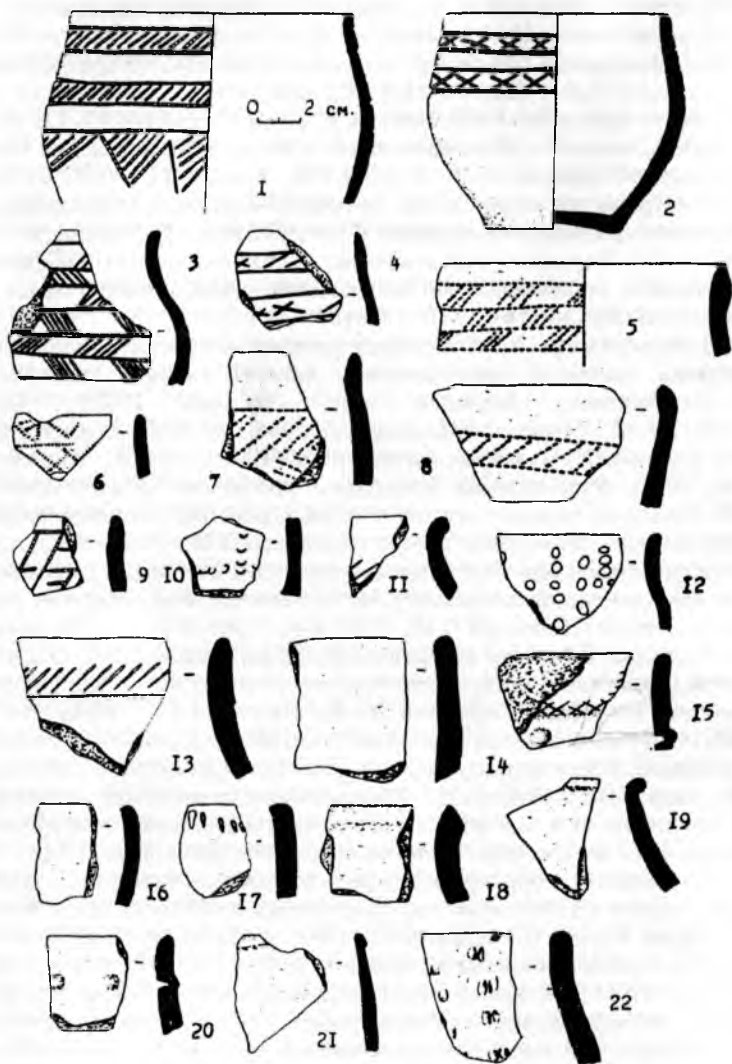

Рис. 5. Керамика поселения Рублево VI.

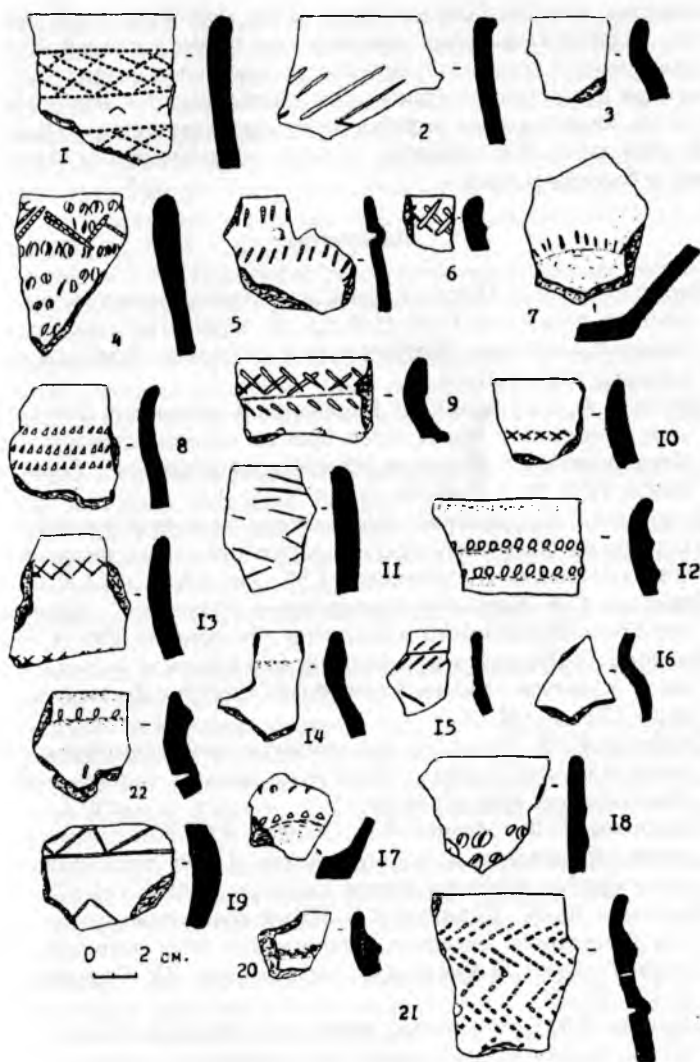

Рис. 6. Керамика поселения Рублево VI.

Казахстана имеется большое количество месторождений меди и олова, разработка которых началось еще в эпоху ранней бронзы, продолжилась в среднюю и активно развивалась в позднюю. Связь ирменцев и саргаринце-алексеевцев подтверждается нахождением «типично казахстанских ножей в ирменских комплексах» (Членова Н.Л. 1994, с.17). Эти контакты, видимо, осуществлялись через Кулунду и бассейн р.Алей.

Литература

1. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С.56-68.
2. Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-1 – новый памятник эпохи поздней бронзы юго-западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С.43-54.
3. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С.64-94.
4. Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С.79-96.
5. Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С.132-146.
6. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 46-53.
7. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.104-128.
8. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 194-222.
9. Коренько В.А. О социальной интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // Советская археология, 1990. № 2. С. 28-40.
10. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М. 1994. 464 с.
11. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С.115-129.
12. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1979. 360 с.

13. Новикова О.И. Валиковая керамика поселения Милованово-3. К вопросу о культурных контактах носителей ирменской культуры и культур валиковой керамики в эпоху поздней бронзы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 1. С.470-477.
14. Сидоров Е.А. Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры (по материалам поселения Милованово-3) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С.63-70.
15. Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С.71-84.
16. Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этно-культурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С.84-92.
17. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
18. Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С.46-49.
19. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.-Л., 1960. № 88. 272 с.
20. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
21. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докл. к конф. Барнаул, 1988. С. 111-115.
22. Шамшин А.Б. Новые исследования поселения Рублево VI на юге Кулунды // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Матер. научн-практ. конф. Павлодар, 1999. С. 45-49.
23. Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // История, археология и этнография павлодарского Прииртышья. Матер. научн.-практ. конф. Павлодар, 1999. С. 50-52.